

И. И. МОЧАЛОВ

Л. Н. Толстой и В. И. Вернадский

<...> По всей вероятности, знакомство с Л. Н. Толстым досталось ученому, так сказать, по наследству. Толстой знал его отца, И. В. Вернадского (1821—1884), видного экономиста и статистика, в свое время широко известного в либеральных кругах русского общества. В частности, сохранились сведения об их встрече в ноябре 1856 года в Петербурге, на квартире экономиста В. П. Безобразова, во время которой, помимо прочих, обсуждался вопрос об издании под редакцией И. В. Вернадского экономического журнала (на встрече присутствовали также А. А. Бакунин, П. В. Анненков, А. В. Дружинин и др.).

Контакты В. И. Вернадского с Л. Н. Толстым не являлись, как правило, деловыми в общепринятом значении, но носили прежде всего духовный, идейно-творческий характер, а потому к одним только имевшим место личным встречам, при всей их важности, они сведены быть не могут. <...>

РАЗМЫШЛЕНИЯ В СВЯЗИ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ Л.Н. ТОЛСТОГО. «КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА»

В первой половине 1892 года В. И. Вернадский прочитывает ряд художественных произведений Л. Н. Толстого. Очевидно, не без их влияния молодой ученый размышляет над некоторыми философскими и социально-этическими проблемами, о чем свидетельствуют два письма к жене, отправленные из Москвы в Полтаву. В первом из них Вернадский делится своими соображениями о такой, с его точки зрения, важной стороне образа жизни и поведения личности, которую он называет «гигиеной мысли».

«Какая важная вещь — гигиена мысли, — пишет Вернадский в одном из них. — Мне кажется, это важнее всего в жизни, потому что этим достигается стремление к гармонии и чувство гармонии создается человеком этим путем. Надо не позволять себе думать о всем дурном, что пришлось сделать, нельзя мысль отвлекать исключительно в сторону личных, мелких делишек, когда кругом стоят густою стеною великие идеалы, когда кругом столько поля для мысли среди гармоничного, широкого, красивого, — когда кругом идет гибель, идет борьба за то, что сознательно сочла своим и дорогим наша личность. Я даже стал набрасывать “Наброски о гигиене мысли” — если что выйдет, пришлю тебе.

Я читаю Толстого — прочел его “Севастопольские рассказы”, военные очерки и теперь читаю “Крейцерову сонату”. Для меня встает вся его личность, по-моему удивительная в своей неизменности — и в мыслях о Севастополе и Кавказе, и в “Войне и мире”, и всюду в новых произведениях — это все тот же человек, чуткий, сильный. Основная черта — боль вследствие неимения глубокой веры в цельность жизни, вдумчивость и прочее. “Крейцера соната”, думаю (не кончил еще), сильное, замечательное произведение»*.

Второе письмо более тесно связано с содержанием «Крейцеровой сонаты», основной темой которой, как ее определял сам Л. Н. Толстой, являлась «тема половой любви»**. Эту же тему затрагивает в своем письме и В. И. Вернадский, переходя затем к сжатому изложению общего впечатления, сложившегося у него после прочтения «Крейцеровой сонаты». В частности, он пишет:

«Я вообще не понимаю деления любви на какую-то “чувственную” — животную и на какую-то возвышенную — идеальную. Мне кажется, вообще представление о чувственном, животном у нас является чем-то, право, комичным. Несомненно,

* Письмо к Н. Е. Вернадской 27 мая 1892 года. Литографированный оттиск «Крейцеровой сонаты», помеченный 1892 годом, хранится в личной библиотеке В. И. Вернадского в мемориальном Кабинете-музее. Как известно, повесть была завершена Л. Н. Толстым в 1889 году, но длительное время находилась под цензурным запретом. Только после настойчивых хлопот (вплоть до личного свидания с царем) С. А. Толстой удалось добиться разрешения на опубликование, и «Крейцера соната» увидела свет в июне 1891 года в 13-й части «Сочинений гр. Л. Н. Толстого».

** Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: Юбилейное издание. Т. 64. С. 235 (письмо к Г. А. Русанову 12 марта 1889 года).

бывают иногда болезненные проявления чисто чувственной страсти, такое направление даже воспитывается нашей обычной жизнью, — как, например, той же проституцией, той же светской “барышнической” жизнью и т. п. Но в существе проявляется в жизни совсем иное, и когда мы говорим о любви, то мы видим проявление иного. Неужели это только проявления чисто “животного” элемента — все произведения поэзии, скульптуры, живописи, музыки, вызванные “чувственной” любовью? Наконец, вся жизнь молодых личностей, которые впервые сживаются вместе и переживают во всем новое, неожиданное?

Все дело лишь в том, насколько вообще высока личность каждого из любящих и насколько они равны между собою. Но совершенно то же мы видим всюду: в дружбе, в общем разговоре, в общем времяпрепровождении и т. п. Всюду низменность природы или малая культура наложат все тот же отпечаток пошлости. Мне кажется, пора не смотреть на “тело” как на что-то презренное и пора избавиться от узкого христианского (или монашеского) деления на дух и тело. Настоящая душевная жизнь, настоящая идейная сторона жизни состоит именно в использовании лучших сторон и тела и духа.

Кончил я “Крейцерову сонату”. Думаю, что много таких примеров в жизни. Но вот что мне показалось и что ярко видно во всем произведении: 1. Писал старик, который забыл или потерял то чувство поэзии любви, которое большей частью есть в человеке, и увидел и вспомнил одну формальную сторону и 2. Все мотивы поступков выдуманы *post factum* и, что составляет всю силу произведения, несомненно, должны были быть выдуманы Позднышевым — малообразованным (но много начитанным). Понимаешь — видно, что могло дать смысл факту для такого человека»*.

Таким образом, при общей высокой оценке «Крейцеровой сонаты», В. И. Вернадский полемизирует с отстаиваемой Л. Н. Толстым в этом произведении аскетически-монашеской концепцией любви и брачных отношений (на эту тему много и горячо рассуждает главный герой повести Позднышев). Насколько верно сумел нащупать Вернадский основную слабость философско-этической концепции «Крейцеровой сонаты», ее ахиллесову пяту, видно из того, что сам Толстой, сомневаясь в жизненности этой концепции, пытался подойти к ее оценке с аналогичных, по существу, позиций. Так, он писал по поводу «Крейцеровой сонаты»: «Мысли, выраженные там, для меня самого были очень

* Письмо к Н. Е. Вернадской 4—5 июня 1892 года.

странны и неожиданны, когда они ясно пришли мне. И иногда я думал, что не оттого ли я так смотрю, что я стар» *.

ВСТРЕЧИ В МОСКВЕ В 90-е ГОДЫ

Переезд в Москву и активное участие в общественной жизни способствовали более близкому знакомству В. И. Вернадского с Л. Н. Толстым, его философскими взглядами и размышлениями. Со своей стороны, Толстой симпатизировал Вернадскому и его товарищам по Братству, с которыми ему приходилось сталкиваться. В деле просвещения народа, борьбы с голодом и крестьянской нуждой Толстой видел в молодой, энергичной интеллигенции своих сподвижников и единомышленников **.

Иногда Толстой запросто, на правах старого знакомого, знавшего еще отца Владимира Ивановича, заходил на московскую квартиру Вернадских. Поводом для таких посещений было также желание Толстого взять на время отдельные произведения А. И. Герцена, творчеством которого писатель очень увлекался ***.

Памятная встреча произошла 29 апреля 1893 года. В этот день Вернадский записывает в дневнике: «Был у нас Л. Н. Толстой — с ним продолжительный разговор об идеях, науке etc. Он говорил, что его считают мистиком, но, скорее, я мистик. И я бы им быть был бы рад, мне мешает скептицизм.

Я думаю, что в учении Толстого гораздо более глубокого, чем мне то вначале казалось. И это глубокое заключается: 1) основой жизни [должно быть] искание истины и 2) настоящая задача состоит в высказывании этой истины без всяких уступок. Я думаю, что последнее самое важное, и отрицание всякого лицемерия и фарисейства и составляет основную силу учения, так

* Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Юбилейное издание. Т. 65. С. 64 (письмо к Д. А. Хилкову 6 апреля 1890 года).

** Шаховской Д. И. Толстой и русское освободительное движение // Минувшие годы. 1908. № 9. С. 313.

*** «Зиму 1887—1888 гг. Л. Н. [Толстой] проводит в Москве: он с увлечением читает Герцена» (Бирюков П. И. Биография Льва Николаевича Толстого. М., [1923.] Т. III. С. 84). В России ряд произведений А. И. Герцена тогда находился под запретом. В. И. Вернадскому удалось приобрести во Франции 10-томное заграничное издание его сочинений в период пребывания в научной командировке в 1888—1890 годах (Вернадский В. И. Из воспоминаний. 1943. Л. 24).

как тогда наиболее сильно проявляется личность и личность получает общественную силу.

Толстой анархист. Науку — искание истины — ценит, но не университеты etc.

<...> Толстой говорил о Герцене, которого брал у нас — и который на него произвел сильное впечатление («Это треть всей русской литературы», по его словам)»*.

Отголоски этой беседы встречаются в дневниковой записи 1 мая того же года. В. И. Вернадский обсуждает с женой и известным либеральным деятелем И. И. Петрункевичем вопросы, затронутые во время встречи с Толстым: «С Наташей — [разговор о] Герцене. “С того берега” etc. ... Вечером [был] Петрункевич — разговор о Герцене, Толстом»**.

В октябре 1941 года, работая над материалами к «Пережитому и передуманному», В. И. Вернадский просматривает дневники 90-х годов. Вспоминая о встрече с Л. Н. Толстым в конце апреля 1893 года, он записывает: «Может быть, неожиданное посещение меня Толстым (он зашел утром) было ответом на мое посещение»***.

В начале 1890-х годов встречи В. И. Вернадского и других его товарищей по Братству с Л. Н. Толстым происходили также на частных собраниях московской интеллигенции, на которых рассматривались вопросы о мерах по оказанию помощи голодающим крестьянам. Чаще всего эти собрания проходили на квартире И. И. Петрункевича, особенно сблизившегося после своего переезда в Москву с Вернадскими, Ольденбургскими, Д. И. Шаховским****.

Об одном из таких собраний рассказывает в своих воспоминаниях А. А. Корнилов (рукопись хранится в фонде академического архива В. И. Вернадского).

«Первое знакомство мое с Львом Николаевичем, — пишет А. А. Корнилов, — произошло на большом собрании различных общественных деятелей, собранном в квартире Ивана Ильича Петрункевича, в тот самый момент, когда я, при переезде своем из Воронежской в Тульскую губернию, заезжал на несколько дней в Москву. Как сейчас помню это собрание и при-

* Вернадский В. И. Дневники 1890—1894 гг.

** Там же.

*** Вернадский В. И. Хронология (материалы к «Пережитому и передуманному»).

**** Грабарь В. Э. Воспоминания о В. И. Вернадском (без даты). Кабинет-музей; Шаховской Д. И. Указ. соч. С. 314—315.

сутствовавших на нем, кроме хозяев дома Петрункевичей, Д. И. и А. Н. Шаховских (Анна Николаевна, жена Д. И. Шаховского. — И. М.), В. И. и Н. Е. Вернадских, А. И. Чупрова, Владимира Сергеевича Соловьева, В. А. Гольцева, Г. А. Джаншиева, И. А. Стебута, И. И. Иванюкова, Д. С. Старынкевича, Юлию Львовну, Л. Л. и В. Л. Любенковых, сыновей И. И. Петрункевича: Ивана, Владимира и Александра, Павла Николаевича Милукова и многих других лиц — всего было более 50 человек.

Лев Николаевич прибыл на это собрание довольно поздно, когда почти все уже были в сборе. Мы его поджидали. Я хорошо помню, как он вошел с мороза, в полушубке, бодрой и ускоренной походкой. Быстро сняв с себя полушубок и оставшись в обычной своей блузе, он скорыми шагами вошел в залу, приветливо здороваясь со всеми направо и налево. Помню, как он тут же, познакомившись с женою Дмитрия Ивановича [Шаховского] Анной Николаевной и, видимо, желая подчеркнуть свою особенную приязнь к ее мужу, остановился около нее [на] несколько минут, оживленно с нею беседуя. Помню еще, как он так же ласково поздоровался с дочерью Ивана Ильича и заговорил с ней о ее выставленном тогда на передвижной выставке портрете, написанном другом Толстого и вместе с тем другом Петрункевичей Николаем Николаевичем»^{*1}.

СПОР О ЛИЧНОМ БЕССМЕРТИИ. ТРИ СТАДИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Памятная встреча произошла в конце 1893 года. 19 декабря В. И. Вернадский и Д. И. Шаховской посетили Л. Н. Толстого на его московской квартире в Хамовниках. На следующий день Н. Е. Вернадская записала со слов мужа содержание состоявшейся беседы.

«Владимир и Дмитрий Иванович были вчера у Л. Н. Толстого. Разговор зашел о религии и о вере Владимира в личное бессмертие.

* Корнилов А. А. Воспоминания. 1917. См. также: Альбом художественных произведений Николая Николаевича Ге. М.; СПб., 1903. Л. 92 (Портрет Н. И. Петрункевич, 1893 г.); *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания. Прага, 1934. С. 276; *Розенблюм Н. Г.* Лев Толстой в неизданной переписке и воспоминаниях современников // Русская литература. 1960. № 4. С. 160–161.

Лев Николаевич сказал, что совсем не чувствует потребности в этой вере. Он разделяет развитие людей на три стадии: в первой центром является собственная личность человека, во второй этим центром является семья, в третьей — бесконечность и сознание своей связи с ней. По мнению Льва Николаевича, люди, выдвигающие личность как центр жизни и считающие себя стоящими на третьей стадии развития, ошибаются, так как они в действительности еще продолжают находиться на первой. Они, быть может, умом и постигают бесконечность мира или его первопричину и связь с ним, но это у них еще не стало чувством жизни, поэтому невозможно передать это чувство или сознание тем, у кого этого чувства нет, — умом, теоретически, его не поймешь и не объяснишь. Нужно реально чувствовать свою связь с бесконечным миром и любить его. Так Лев Николаевич понимает религиозное чувство.

Мысль о смерти ярко выдвигает перед человеком то, чем он дорожит. Если он любит только себя и знает, что ему недолго осталось жить, — он будет стараться наслаждаться жизнью; если он любит больше всего семью, общество, человечество, — он положит душу свою за них; если же он любит бесконечный мир, — то он посвятит себя исканию истины и стремлению познать ее, стремлению познать волю Творца и исполнить ее. Он часто повторял, что стоит на строго реальной почве, на фактах, на действительности, не уходит в метафизику, которую считает вредной.

Когда Владимир ему сказал, что он, собственно, не может опровергнуть бессмертие души, [то] он ответил, что вовсе об этом и не задумывается, что ему этого и не нужно, что он точно так же не постарается опровергать это, как если бы ему сказали, что в его саду гуляет 17 слонов, что это совсем не важно для смысла жизни. Если любишь бесконечный мир, то смерть отдельного человека не является чем-то важным, потому что то, что любишь, продолжает существовать и после твоей смерти бесконечно. Только сам человек перестает сознавать это. Конечно, если нет реальной любви и чувства бесконечности, то смерть тяжела. Если же это живое сознание и широкое чувство бесконечности живо в душе, то смысл жизни не утрачивается, несмотря на существование смерти и на отсутствие личного бога. Если же нет этого чувства бесконечности, то могут быть только два других выхода: вера в личного бога или пессимизм, отчаяние, сознание бессмысленности всего — раз существует смерть.

Дмитрий Иванович с этим вполне согласился. По его мнению, в каждом человеке есть бесконечное, потому что оно началось и кончится, но в его мыслях есть элементы бесконечного и может

быть любовь к бесконечному и сознание своей связи с ним. Владимир же считал разделение Льва Николаевича узким. По его мнению, бесконечность можно понимать различно. Это, во-первых, — пространство, Вселенная, во-вторых, — мир сознания, и с этой точки зрения личность бесконечна и бессмертна, потому что весь мир — плод ее сознания и творчества. Только в личности проявляется сознание»*.

Приводимые здесь философские рассуждения Л. Н. Толстого о трех стадиях развития человека непосредственно перекликаются с «замечательной записью», по выражению П. И. Бирюкова, сделанной писателем в дневнике 31 октября 1889 года**. «Человек переживает 3 фазиса», — пишет Толстой и далее излагает свое понимание этих фазисов, по содержанию совпадающее в основном с характеристикой трех стадий развития человека, данной им в беседе с В. И. Вернадским и Д. И. Шаховским 19 декабря 1893 года***.

Однако запись в дневнике 31 октября 1889 года является чрезмерно личностной, обращенной главным образом «на себя», в ней явственно проскальзывают автобиографические мотивы. Не случайно сам Л. Н. Толстой по поводу этой записи отмечал в письме к П. И. Бирюкову, что для него «это слишком задушевное, не сложившееся еще вполне, не выразившееся душевное движение»****. В ближайшие годы Л. Н. Толстой продолжал размышлять над этими коренными вопросами смысла человеческого бытия, о чем свидетельствуют письма и дневники данного периода*****. При этом его раздумья принимают все более обобщенно-философский характер, становятся все в большей степени объективированными, освобождаясь от сугубо личных воспоминаний и переживаний. По-видимому, к концу 1893 года эта тенденция достигает своей завершающей стадии, о чем и свидетельствует приведенная выше запись беседы с Толстым.

Возвращаясь к этой беседе, 5 октября 1941 года В. И. Вернадский записывает: «Я совсем забыл об этом разговоре с Толстым и что я у него был, и вчера это случайно вскрылось... Я

* *Вернадский В. И.* Хронология (материалы к «Пережитому и передуманному»).

** *Бирюков П. И.* Указ. соч. С. 110.

*** *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: Юбилейное издание. Т. 50. С. 170–172.

**** Там же. Т. 64. С. 323 (письмо к П. И. Бирюкову 1 ноября 1889 года).

***** См., например: Там же. Т. 50. С. 221–224; Т. 52. С. 94–95, 101–103.

знал, что одно время я верил в личное бессмертие и что в моих письмах есть на это указания. Но уже давно — особенно после моего охвата жизни как планетного, космического явления и создания понятия живого вещества, т. е. после 1916 года, — для меня вопрос о личном бессмертии [ставится] как вопрос научного опыта.

Для меня выяснилось: 1) что человек — личность — тоже планетное явление (ноосфера), 2) что в мире, космосе, в основе — вечность во времени и в пространстве—времени, 3) что [существует] только один путь познания истины: коллективно, поколениями построенного научного — не философского и не религиозного — ее искания. Одиночные искания истины безнадёжны» *.

В НАЧАЛЕ ВЕКА

Наступившее XX столетие принесло Л. Н. Толстому тяжелые переживания. В начале 1901 года он опасно заболел. Болезнь совпала с разнузданной травлей писателя в черносотенной печати, последовавшей вслед за отлучением его в конце февраля от Церкви. Вскоре после этого события Толстого на его московской квартире навестили Д. И. Шаховской, В. И. Вернадский, А. А. Корнилов. Хотя Толстой, в связи с болезнью, никого не принимал, но для этих посетителей сделал исключение. Разговор зашел об отлучении Толстого и об отношении к этому различных слоев общества. Толстой резко обрушился на либералов. «Спор об этом принял общий характер, — вспоминал А. А. Корнилов. — Заспорили все окружающие Толстого, но мы, чувствуя, что взволновали его, стали прощаться...» **

Болезнь Толстого прогрессировала, что вызывало серьезное беспокойство всех, кто его знал и любил***. От своих друзей он получает много писем со словами ободрения и сочувствия. С аналогичным письмом обратился к Толстому летом 1901 года В. И. Вернадский, находившийся с семьей на отдыхе в Полтаве. Он писал:

* *Вернадский В. И.* Хронология (материалы к «Пережитому и передуманному»).

** Цит. по: *Розенблюм Н. Г.* Указ. соч. С. 162.

*** См. подробнее: *Буланже П. А.* Болезнь Л. Н. Толстого в 1901—1902 годах // *Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников.* Т. II. С. 157—174; *Вирюков П. И.* Биография Льва Николаевича Толстого. М.; Пг., 1923. С. 38—66.

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич, позвольте от моей жены и меня выразить Вам чувство нашего глубокого волнения при вести о Вашей болезни и чувство сердечной, искренней радости нашей, когда мы узнали о ее благополучном течении. Нам редко приходится видеть Вас, но мы сохраняем самое сильное и дорогое нам впечатление от всякого свидания с Вами и с глубоким, искренним сочувствием всегда следим и считаемся с мнением Вашим и Вашей деятельностью. Хотя мы во многом придерживаемся других взглядов и мнений, чем какие охватывают Вас, — но не бесследно прошли и проходят в нашей духовной жизни Ваши стремления высказать правду, как Вы ее понимаете. С чувством горячей любви и искреннего, самого высокого уважения привыкли мы издавна относиться к Вам, и потому я решаюсь послать Вам эти несколько строк, выражающих наше чувство. Мы верим и надеемся, что еще долго дано Вам будет жить среди нас, — Ваша мысль и Ваша жизнь так нужна всем желающим искренно понять Истину, которая Вам так дорога.

Ваш *В. Вернадский*».

В преддверии приближающейся революционной бури самодержавие стремилось расколоть ряды оппозиционного движения, в частности посредством разжигания национальной розни. Вместе с развитием сил революции происходила консолидация крайне правых черносотенных элементов. Воинствующий антисемитизм был написан на их знамени. Он прорвался наружу в виде еврейских погромов, волна которых прокатилась по ряду городов и селений России весной 1903 года. Особенно жестоким и бессмысленным был разгул темной толпы «христиан», науськиваемой антисемитами и черносотенцами во время еврейского погрома в Кишиневе, начавшегося 6 апреля. В ответ на кишиневские события группа видных московских деятелей науки и культуры, среди них Л. Н. Толстой и В. И. Вернадский, посылают городскому голове Кишинева коллективную телеграмму протеста, окончательный текст которой был отредактирован Толстым*.

В период революционных потрясений 1905—1907 годов В. И. Вернадский в качестве члена Государственного совета от Академической курии (Академии наук и университетов) ведет борьбу за всеобщую амнистию и законодательное запрещение смертной казни. Ряд его публицистических статей этого време-

* Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: Юбилейное издание. Т. 54. С. 513; Т. 74. С. 111.

ни, направленных против разгула в стране кровавого белого террора, перекликается со знаменитым «Не могу молчать» Л. Н. Толстого*.

В 1908 году большая группа известных политических и общественных деятелей, представителей науки и культуры обратилась с воззванием «К русскому народу», призывая развернуть борьбу против правительственного террора, добиться безусловного запрещения смертной казни и с этой целью создать «Всероссийскую лигу борьбы против смертной казни имени Л. Н. Толстого». Среди подписавших это воззвание были, в частности, И. А. Бодуэн де Куртене, В. В. Вересаев, В. И. Вернадский, А. К. Глазунов, И. А. Каблуков, В. И. Качалов, В. Г. Короленко, В. Ф. Комиссаржевская, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, В. И. Немирович-Данченко, С. Ф. Ольденбург, Г. В. Плеханов, И. Е. Репин, Л. В. Собинов, С. И. Танеев, О. Л. Книшпер-Чехова, А. С. Фаминцын и другие.

В ноябре 1910 года Л. Н. Толстого не стало... Но влияние его мысли и исканий продолжается. 9 августа 1911 года В. И. Вернадский записывает: «Все, что говорит Толстой о науке, целиком может быть приложено к религии. Представим себе человечество его идеала — что же дальше? Что будет являться содержанием этой жизни? Как можно остановить вечное движение человеческого духа, раз самоуглубление не является одной из основ этого учения? Если искать рамки в себе, — то неизбежно возродится научная мысль, художественное творчество, так как они плоть от плоти человеческой личности. Можно разделить их лишь в тех случаях, когда мерилom не является свободная человеческая личность.

С другой стороны, сложность жизни неизбежно требует научной борьбы с ее следствиями.

<...> Толстовство может существовать лишь на фоне научной работы — и является полезным коррективом для отдельных людей»**.

ПОСЛЕДНИЕ ЗАПИСИ

В 1941—1943 годах В. И. Вернадский вместе с большой группой академиков находился в эвакуации в живописном курорт-

* *Вернадский В. И.* 1) Смертная казнь // Речь. 1906. 6 июля; 2) Патриотизм и черная сотня // Новь. 1906. 1 дек.; 3) Смертная казнь // Там же. 1907. 11 янв.; 4) Когда же конец? // Там же. 1907. 23 февр.²

** *Вернадский В. И.* Записная книжка. 1911.

ном местечке Боровое, расположенном на территории Казахской ССР. Здесь он интенсивно работает над своей итоговой монографией, «книгой жизни», как он ее называл, «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» (опубликована в 1965 году), а также подбирает и обрабатывает материалы к автобиографической книге «Пережитое и передуманное». В Боровом он вновь перечитывает «Анну Каренину», «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого, а в связи с работой над «Пережитым и передуманным», разбирая материалы личного архива, восстанавливает в памяти обстоятельства своих встреч с писателем в 1890-е годы, о чем свидетельствует ряд записей этого периода, часть из которых уже приводилась выше.

Приведем здесь еще одну, наиболее полную запись, датированную 10 марта 1942 года:

«Занимался с Аней* — симметрия.

Ясно становится, что вернуться в Москву весной едва ли будет возможно — мы очень неполно знаем о происходившем и происходящем на фронте.

Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений: Юбилейное издание. 1938 г. Том 83. Письмо № 296, с. 475. 1 февраля 1885 г. Ясная Поляна:

“...Как ужасно тяжело жить без любви, и еще тяжелее умирать. Я, когда один, всегда яснее, живее представляю себе смерть, о которой думаю всегда, и когда я представил себе, что умру не в любви, то стало страшно. А в любви только можно жить счастливо и не видеть, как умрешь...”**

Просматривал сейчас юбилейное издание [Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого], которое имеется в здешней библиотеке, — отчасти как старшего современника, с кругом людей которого приходилось сталкиваться и с влиянием которого приходилось считаться. Для меня Толстой [близок] — благодаря тому, что Д. И. [Шаховской] был к нему близок, что к нему были близки Чертков, Бирюков, Калмыкова — наш кружок 1880-х годов. [Были близки] Петрункевичи, и особенно Софья Владимировна Панина***.

* Анна Дмитриевна Шаховская, дочь Д. И. Шаховского, личный секретарь В. И. Вернадского в последние годы его жизни.

** *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: Юбилейное издание. Т. 83. С. 475–476 (письмо к С. А. Толстой 1 февраля 1885 года).

*** Графиня С. В. Панина, либеральная общественная деятельница, находившаяся в дружеских отношениях с Л. Н. Толстым, В. И. Вернадским³ и их семьями. В ее имени Гаспра на Южном берегу

Я как раз как-то не думаю о смерти, хотя мне сейчас скоро 79 лет. И нет у меня страха смерти.

Из сохранившихся записей моих встреч с Толстым. (Наташа записала.) Оказалось, что я раз был у Толстого в Москве и с ним вел спор о бессмертии души, которое я тогда защищал, — а Толстой отрицал. Я помню, когда — в это же время — Толстой зашел к нам, в голод, кажется, 1891 [г.], и помню разговор с ним. Он говорил И. И. Петрункевичу, что я симпатичный — тогда я составлял отчет о помощи голодающим*.

Страшны страдания — страшно такое умирание, как [у] моего отца. Но не смерть сама по себе.

<...> Я думаю, что возможно, что не все исчезает, — [не исчезают] отдельные изотопы, которые материально отличают материальную субстанцию живого от косной материи, — но тут личность ни при чем**.

* * *

В лице Л. Н. Толстого жизненные обстоятельства столкнули В. И. Вернадского с человеком, во всем творчестве и деятельности которого, несмотря на блуждания и ошибки, ярко и глубоко воплотилось разумное гуманистическое начало. Для Вернадского Толстой был не только гениальным писателем — одновременно он являлся аккумулятором невидимой, но самой мощной и действенной «энергии» сознания, великим представителем тех, которых ученый называл «несущими знамя сознания»***. Толстой для Вернадского являл собою прекрасный пример творчески преобразующей роли сознательного начала в человеческой истории, т. е. оказался воплощением того, что для Вернадского субъективно было самым дорогим, что составляло фундамент его мировоззрения, а в последние годы жизни ученого воплотилось в созданном им учении о ноосфере. <...>

Крыма Л. Н. Толстой жил с сентября 1901 по июнь 1902 года во время своей болезни.

* Отчет помещен в кн.: *Корнилов А. А. Семь месяцев среди голодающих крестьян. М., 1893. Приложение. С. 1–36 (совместно с В. В. Келлером и А. А. Корниловым).*

** *Вернадский В. И. Дневники. 1941–1943⁴.*

*** *Вернадский В. И. Из записок, 1892*